

СМЫСЛ ВОПРОСА О ВОЗМОЖНОСТИ ЭСТЕТИКИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА НЕГО

МАРИНА ВАСИЛЬЕВА

Марина Александровна Васильева – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

Автор статьи обращается к вопросу о том, как возможна эстетика в современной России. Автор понимает его, в первую очередь, как вопрос об основании эстетической теории и ее отношений с другими философскими дисциплинами и излагает свой взгляд на перспективы развития эстетики: неавтономность и эмоциональность. Под неавтономностью автор понимает актуальный междисциплинарный синтез подходов и понятийного аппарата, созданный ради выражения целостности восприятия человеком мира. Эстетика в таком синтезе может занять место методологической основы, уже имея опыт мышления и теоретизации собственно о восприятии. Кроме того, важный момент в этой перспективе – необходимое, по мнению автора, обращение к теме эмоций и их роли во всех человеческих практиках, действиях и мыслительных процессах. Имеющиеся философские теории, включающие проблему человеческой эмоциональности, по мнению автора, подвержены общей проблеме – ранжированию разума и эмоций по умолчанию. Автор обосновывает важность включения эмоций в теоретические построения на новых основаниях.

Ключевые слова: эстетика, эстетическая теория, методология, междисциплинарность, междисциплинарность в гуманитарных исследованиях, эмоции, аффект

THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF THE AESTHETICS AND THE EMOTIONAL RESPONSE TO IT

Marina Vasilyeva

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

The article researches the possibility of aesthetics in modern Russia. The author understands it, first of all, as a question about the foundation of aesthetic theory and its relationship with the other philosophical disciplines. As an answer she offers two prospects for the development of aesthetics: non-autonomy and emotionality. By non-autonomy, the author understands the actual interdisciplinary synthesis of approaches and concepts, created to express the integrity of human perception of the world. Aesthetics in such a synthesis can take the place of a methodological basis, having the experience of thinking and theorizing about perception itself. Another important point in this perspective is the necessary appeal to the emotions and their role in all human practices and actions, both bodily and mental. The author supposes that the existing philosophical theories, addressed to the problem of emotions and emotionality, have a common problem – the ranking of the reason and emotions by default. The author substantiates the importance of including emotions in theoretical constructions on new grounds.

Key words: aesthetics, aesthetic theory, methodology, interdisciplinarity, interdisciplinarity in humanitarian studies, emotions, affect.

Вопрос о том, как возможна сегодня эстетика в России, вдохновил на ответ такое количество отечественных мыслителей, что можно с уверенностью сказать, что он актуальный и значимый. Интересна также его многозначность, поскольку оборот «как возможна» порождает как минимум две коннотации: методологическую и этическую. В первом случае вопрос ставится относительно методологических оснований и границ эстетики как философской и гумани-

тарной дисциплины. В этом смысле он актуален из-за «пробуксовывания» теоретического аппарата эстетики при попытках проанализировать текущие реалии человеческого бытия в мире, проблемы современного искусства и т. д. Во втором случае вопрошание идет о принципиальной, экзистенциальной возможности и актуальности эстетики в современном мире, социальной и политической ситуации. Здесь возникает необходимость отстоять важность эстетики не как «одной из» ряда дисциплин, *дополняющей* философскую картину мира, а как области *определяющей* и *составляющей* эту картину. Можно сформулировать этот вопрос иначе: значимо ли занятие эстетикой в ситуации, порождающей неизбывную тревогу, когда горизонт планирования запредельно близок, а человека одолевают тяжелые мысли и переживания? Оба прочтения первоначального вопроса сегодня крайне важны и заслуживают подробного рассмотрения и формирования ясной и четкой личной позиции исследователя в качестве ответа.

Методологический аспект вопроса

Итак, возможность развития эстетической мысли сегодня, как методологическая проблема, затрагивает несколько актуальных сюжетов современного гуманитарного знания. Первый из них связан с границами дисциплины и соответствующего метода. Различение дисциплинарных полей в социогуманитарных науках – довольно тонкое искусство. Объекты исследования обычно сложны, методы и авторитеты междисциплинарны – набирается ряд очевидных сложностей при разделении. Однако существует традиция различения, выраженная в институциях, и профессиональный этикет, согласно которому соблюдаются дифференцирование дискурсивных практик, тем и понятий. Эти традиции зависят, в основном, не от «больших идей», но от локальной истории дисциплины и множества факторов, которые являются сугубо человеческими. По сути, речь идет о социологии эстетики как науки и практики. Однако если мы говорим глобально о возможности эстетики в России и мире, то отделить внутренние теоретические вопросы, от внешних, практических невозможно.

Неавтономность

Общепризнанность и актуальность вопроса о самой возможности дисциплины является ярким признаком того, что дискурсивные рамки необходимо пересмотреть. Под «пересмотром» не подразумевается моментальный отказ от границ или их сдвиг, скорее, критическая оценка и проверка их основания и силы. Какой смысл можно сегодня уверенно вложить в понятие эстетического без оговорок? Учитывая, что тут же всплывает множество авторитетных теорий и их не менее авторитетной критики, без оговорок это сделать не получается. Но, если все же сформулировать единое и четкое представление об эстетическом и об основных проблемах на его поле, то как оно соотносится с другими философскими понятиями? Классическое новоевропейское представление об эстетике у А. Баумгартена, И. Канта появляется как раз не из изначального интереса собственно к проблеме эстетического восприятия и суждения, а, скорее, по остаточному принципу. Есть проблемы и явления, которыми не заняться в метафизике, гносеологии, этике, поэтому выделяется область эстетических исследований. С этим можно спорить, но сам порядок выхода «Эстетики» и «Критики способности суждения» после «Метафизики» и двух первых критик говорит о многом. «Эстетика (теория свободных искусств, низшая гносеология, искусство прекрасного рассуждения, искусство аналога разума) есть наука чувственного познания», – пишет Баумгартен, расставляя все необходимые позиции в скобках. (Baumgarten, 2021, 40) Реалии и теоретические сдвиги XX века оставляют этот взгляд позади настолько, насколько это можно сделать в традиции цитирования и любви к диахроническому анализу понятий. Более того, многое в современной эстетической мысли происходило как раз из желания обосновать самодостаточность эстетической проблематики. Этот процесс органично связан с общими социокультурными, экономическими и политическими изменениями, приведшими к эмансипации субъекта, которая проявляется, в т. ч., в явлении эстетизации. Соответственно, отношения эстетики с другими дисциплинами и темами за двести лет в значительной степени измени-

лись, поскольку выстраивались с новых позиций. Проблемы соотношения эстетического и политического, эстетического и социального, эстетического и этического имеют длительную историю, однако именно в XX веке они обрели новое звучание в связи с изменением представления о ценности эстетического как такового. Соответственно, определение границ эстетики – это не просто исследование дисциплины, но и содержательно определение эстетического.

Наконец, следующий очень важный с точки зрения методологии вопрос о том, насколько необходим консенсус по определению эстетического. Будут ли авторы с различными позициями заниматься эстетикой, понимая ее по-разному? Это глобальный «мета-вопрос», который касается в целом философии и ее отдельных областей. Позволяет ли философский плюрализм сохранять ясность темы и диалога? Далее будет раскрыто авторское видение по первым двум вопросам, а этот, придется оставить без ответа. Он, конечно слишком большой, чтобы вписаться в любую статью. Однако, его необходимо периодически «доставать и стряхивать пыль», поскольку делать вид, что его нет, невозможно.

Личная позиция автора статьи состоит в принципиальной условности любых дискурсивных границ, удобных в смысле некоторой интеллектуальной привычки, но загоняющих сами дискурсы в тупик. Несмотря на то, что она уже давно была разработана и обоснована в постструктурализме и постмодернизме, а потом множество раз раскритикована, можно сказать, что эта идея еще не в полной мере себя проявила. Проведение и соблюдение границ возможно исключительно в спокойном режиме функционирования дисциплины, в расслабленном режиме мысли. Однако любое настоящее столкновение мысли с реальностью эти границы разбивает. Крайне трудно представить себе возможную эстетику при невозможной философской антропологии, философии культуры или онтологии, тем более, когда мы находимся в сложной, острой культурной ситуации. В XX в. говорили о кризисе метафизики, и, как следствие, развитии других областей философии, но это, скорее, означало некую реконцептуализацию, чем действительный «крах» отдельной области философии. Поэтому

и эстетика сегодня возможна, в первую очередь, как неавтономная теория. При этом, можно сказать, что есть чисто эстетические феномены, но не понятия и теории. Очищение понятий эстетики от категорий культурного, социального, этического, политического не приближает к пониманию сути эстетического явления. Эстетическая теория не существует автономно, а потому нет смысла как-то искусственно ее автономно обеспечивать.

Учитывая самое начало эстетики, ее автономия долгое время рассматривалась как желанная цель или серьезное достижение. Говоря о неавтономности сегодня, мы не подразумеваем «откат» к позициям двухвековой давности. Скорее речь идет о поиске возможности нового междисциплинарного единства. Стремление к «теоретическому и концептуальному синтезу» называют «одной из характерных особенностей современного научного знания». (Pozdneva, 2009) Междисциплинарные исследования получили широкое распространение в середине 1980-х годов и долгое время были популярны. В середине нулевых они рассматривались как основной тренд в развитии науки даже в «Концепции долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 г.» (Concepts, 2006) Однако серьезной проблемой междисциплинарности как реального плана оказалось отсутствие не просто терминологической и понятийной согласованности, но туманность самой ее перспективы. Биология, медицина, химия, физика используют свои термины и не всегда способны или готовы проявлять эпистемическую гибкость. От гуманитарных и философских дисциплин в таких вопросах можно было бы ожидать большей пластичности, чем от специальных наук, но получается, скорее, наоборот. Понятийный аппарат не только отдельной дисциплины, но и отдельной теории становится ее основанием и не подлежит изменениям. Более того, уточнение смыслов является важной частью дискурса: например, можно заняться анализом сходств и различий понятия «событие» у А. Бадью и Ж. Делёза, – это действительно интересная тема, не оставляющая шанса междисциплинарному терминологическому компромиссу. Собственно, можно сказать, что вся история понятия «эстетика» до сих пор проявляется в текстах современных статей по эстети-

ке, показывая, что появление новых теорий и взглядов не отменяет и не меняет существующие. Соответственно, возникают серьезные сомнения по поводу неавтономности как междисциплинарности: насколько это действительно возможно без «подчиненного» положения эстетики в философском знании и без растворения собственного понятийного аппарата?

Сегодня возникает другая перспектива, предполагающая реинкарнацию целостной философской теории, органично включающей в себя эстетику именно как методологическую основу, а не дополнение к «основным темам». Процессы XIX в., такие как линейность представления различных процессов, историчность взгляда, ранжирование всего и вся и превращение в систему не м. б. обесценены или отменены. Выделение отдельных философских дисциплин позволило родиться множеству понятий и сфокусироваться на отдельных ярких феноменах. Более того, сама идея «яркого феномена» стала результатом этого подхода. Но в итоге именно погружение в отдельные сюжеты, темы, кейсы и явления создало необходимость формирования нового целостного метода, не исключающего различные аспекты и не ранжирующего их. Актуальные теории рубежа XX-XXI вв., такие как АСТ, 4E cognition и др., также как феноменология, структурализм, прагматическая философия и все самое интересное в XX в., нацелены на целостность, основанную не на *комплексности описания*, а *целостности восприятия*. С их позиций разговор об эстетическом становится необходимым постольку, поскольку действительным объектом их исследования становится мир без «дистанций и внятных различий», происходит погружение в себя.

Об этом пишет Михаил Ямпольский. Его работа «Форма реальности», вышедшая в 2022 г., представляет собой «набросок теоретической антропологии формы», «хотя мы знаем», признает автор, «что у реальности нет формы». (Yampolsky, 2022, 8) Ямпольский рассматривает антропологию, начиная с И. Канта, с появления трансцендентализма, или, используя термин М. Фуко, с «выходом из антропологического сна».

Человек описывается как существо, чей разум порождает ту эмпирическую реальность, в которой оно же существует. Разнообразие форм существования в эмпирической реальности бесконечно, а потому не может быть успешно постигнуто. Зато сам способ производства этого мира может быть описан, и именно его описание позволяет уйти от хаоса эмпирической антропологии к осмысленности антропологии философской. (Yampolsky, 2022, 44)

Ямпольский показывает смену основных принципов формирования форм реальности. В начале он говорит о Канте и о появлении формы самого Человека, выразившейся в дистанцировании человека от Человека. В дальнейшем, история Новоевропейской мысли фиксирует в текстах дистанцирование человека от мира и появления новых форм мышления. В XX в., по мнению Ямпольского, авторы занимаются преодолением появившихся дистанций через погружение в себя:

Сфера мира сжимается и поглощается внутрь, туда, где по определению невозможно дистанцирование, где «чужой» не может не быть зеркальным отражением меня самого. (Yampolsky, 2022, 244)

Последняя часть книги посвящена современности или «гиперсовременности», в которой происходит «избавление от объекта». (Yampolsky, 2022, 244) Ямпольский привлекает тексты и концепции множества актуальных авторов, показывая различные варианты преодоления дистанции, как в практике, так и теории восприятия мира. Травма, насилие, комплекс – эти концепты, так или иначе стремятся выразить особые состояния неразделенности человека и мира, внутреннего и внешнего, образа и реальности, мышления и телесности. Интересно, что нередко эти концепции используют понятия аффекта, о котором крайне важно помнить и в контексте перспектив развития эстетической теории.

Эмоциональность

Итак, второй сюжет внутри разговора о перспективах эстетики касается метода не как формальной границы, а как содержательной возможности. Что мы обнаруживаем при погружении в себя, что вызывает явную сложность для фило-

софского или какого бы то ни было языка? Вне зависимости от позиции по поводу очерчивания эстетической проблематики или сближения с другими, особое внимание стоит уделить проблеме эмоций в современной ситуации – и как объекта исследований, и как некоторого методологического инструмента. Эстетика сегодня крайне сильна тем, что может легитимно ввести разговор об эмоциях в философский дискурс на новых основаниях.

Нельзя сказать, что в философских текстах полностью игнорируется эмоциональная сфера. Эмоции, аффекты, чувства, страсти, пассионарность – эти понятия часто используются как взаимозаменяемые в разговоре об иррациональной стороне человека, его сознания, мотивов и т. д. Маятник между двумя полюсам – приматом чистой рациональности и протестным признанием эмоциональности – всегда раскачивался над европейской и русской философией. Когда-то об эмоциях пишут больше и с особым, почти революционным пафосом, когда-то меньше и спокойнее. И все же линия с эмоциями выглядит в истории философии второй, даже маргинальной, а авторам, говорившим об эмоциях, не удавалось избежать ранжирования рационального и иррационального. Позиция «эмоции не должны вытесняться, презираться» уже подразумевает, что эмоции вытесняются, т. е. уступают разуму. Привычное с античности противопоставление рациональности эмоциям – это очень серьезная теоретическая преграда в современной философии вообще, и в эстетике в частности.

Возникает настойчивое желание «обвинить» во всем Платона и Аристотеля, поскольку разделение души и тела, разума и эмоций, захватившее западную философию на пару тысячелетий, явно начинается именно с их текстов. Новоевропейское, в частности, кантианское, отношение к эмоциям в этом смысле продолжает линию классиков, главное в которой этой линии – отделение эмоций от действия, поступка как сознательного акта.

Эмоция представляет собой существенное изменение уровня психического, приводящее не только к потере синтетической функции и сведению поведения к автоматическому, что ярко видно в случаях истерии, но и к подавлению высших форм

поведения и снижению психического напряжения до уровня низших реакций. (Janet, 1903, 523)

У этой позиции довольно много сторонников в самых разных областях мысли (Spektor, 2013), но были и другие взгляды. По этой теме часто приводится пример различий между этикой Р. Декарта и Б. Спинозы. Далее можно вспомнить авторов уже XIX в.: романтиков, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и далее представителей различных течений мысли, говорящих о силе иррационального. Однако общим местом в этих теориях становится демонстративное, ярко артикулированное совмещение эмоций с действием, но все такое же отделение их от разума.

Последнее отличает и наиболее маргинальные позиции. Например, Лев Гумилев представил свою теорию пассионарности, в которой эмоции были засвязаны с энергией действия и познания: «Эта энергия есть активная, действенная, меняющая окружающую организм, среду и проявляющая давление, напор в окружающей среде, если можно и нужно, разрушающая препятствия». (as cited in Vernadskij, 1991, 287) Эта теория признана ненаучной и даже антинаучной, что, конечно, не снимает вопрос об ее философском потенциале. Но проблема в том, что эмоции в ней не имеют собственного места, не прояснены и не рассмотрены, наоборот, они скорее сплавлены с действием, но все так же отделены от разума.

Крайне интересными в данном контексте и более плодотворными, чем философские, оказываются исследования и теории в области психологии, активно занимавшейся проблемой эмоций весь XX в. В качестве ключевого исследования по теме можно назвать «Учение об эмоциях» Л. С. Выготского. Этот труд отражает общий взгляд исследователя на эмоции и является частью его фундаментальной конкретно-психологической теории сознания. Для Выготского крайне важными оказываются два положения: связь мышления и эмоций и их совместное развитие, имеющее единую цель – осознание: «Всякой ступени в развитии мышления соответствует своя ступень в развитии аффекта». (Vygotsky, 1983, 251) Свое представление об эмоциях Выготский выводит через научно-психологическую теорию К. Г. Ланге из представлений Б. Спинозы, которого он много

цитирует, в т. ч. и это главное определение: «Под аффектами, я разумею состояния тела, которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний». (Spinoza, 1999, 335) Таким образом, у Выготского эмоции связываются и с действиями, и с разумом, при этом, они понимаются не как низшие ступени развития мышления, но как неотъемлемые части процесса.

Выготский оказал огромное влияние на психологию и современные исследования сознания, языка, детского развития. Большое количество современных научных и популярных работ по психологии ссылаются на его авторитет. Среди этих текстов огромное внимание уделяется как раз эмоциям, т. н. «эмоциональному интеллекту» и смежным темам. Особенно это заметно в сфере детской психологии, поскольку с начала XXI в. развитие эмоционального интеллекта рассматривается как главная задача родителя по отношению к ребенку¹. Другая область популярной литературы, в которой актуализируется тема эмоций – это различные работы по анализу эмоций персонажей и их роли в сюжете, предназначенные для писателей, драматургов, сценаристов². Можно сказать, что тема эмоций сейчас активно исследуется практиками, но пока недостаточно осмыслена в теории, т. е. философской концепции, внятно говорящей об эмоциях и включающей их в описание взаимодействия с миром наравне с разумом, все еще нет.

Возможно, именно здесь и открывается важная перспектива для эстетики. Не при расшатывании маятника между двумя этими позициями: разум или эмоция, – но при новой постановке вопроса. В данном контексте эстетика имеет крайне выигрышную позицию по возможности включения эмо-

¹ Таких книг много, но есть наиболее популярные, множество переизданий в издательстве МИФ за последние 10 лет выдержали книги: Гоулман Д. «Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ»; Готтман Д., Деклер Д. «Эмоциональный интеллект ребенка»; Шабанов С., Алешина А. «Эмоциональный интеллект. Российская практика»..

² См., например: Akerman A., Puglisi B. (2021). *Thesaurus of Emotions. A Guide for Writers and Screenwriters*. Moscow: Alpina non-fiction Publ. (In Russian).

ций в исследования, и через работу с материалом, и через теоретическую составляющую, и через сам метод. Размытое и многозначное пока понятие «аффекта» может стать четче и осмысленнее благодаря эстетической теории.

Как видно, у эстетики и эмоций довольно схожие позиции в истории философии. Принимая во внимание необходимость их «второстепенности» на определенных этапах, сегодня соглашаться с их «дополнительностью» никак нельзя. Дело не просто в пресловутом стирании границ, как тренда гуманитарной мысли XX в., но в актуальной возможности изменения подхода к описанию человека и мира. В XX в. многое было сказано о кризисах и крушении систем. Если настало время строить что-то новое, то оно должно быть соразмерно человеку. Эстетика, как отдельная дисциплина, долго и успешно нарабатывала теории соразмерности, и именно поэтому она не просто возможна, но и ценна сегодня в новой методологической ипостаси для междисциплинарного синтеза.

Этический аспект вопроса

Второе прочтение вопроса, обозначенное в самом начале, касается сегодняшней возможности эстетики в России уже не с методологической точки зрения, а с этической. Вырастает оно из особенностей современной политической и социальной ситуации. По сути, это вопрошание об экзистенциальной значимости эстетики: возможно ли в полной мере заниматься вопросами восприятия и нахождения человека в мире как эстетического субъекта, когда его бытие как нравственного, как физического субъекта находится под угрозой и сомнением в связи с эпидемиями, войной и острыми социальными конфликтами? В такой постановке вопрос оказывается совершенно ненаучным, если считаться с такими идеалами научности, как беспристрастность и объективность, но актуальность его крайне высока.

Возможно, неавтономность и новые акценты, например, на эмоциях, как раз могут стать ответом на этот вопрос. Ценность и значимость эстетики в XX в. выросла не только из-за умножения и усложнения явлений, которые мы относим к эстетическим, но из-за ее особой возможности фокусирова-

ния на *человеческом*, а не на человеке. Именно здесь, возможно, и находится способ выхода из личностного и социального кризиса. Ясность, близость и определенность эстетических тем и понятий, как подлинно человеческих, является своеобразным противовесом политической, личной и любой другой неопределенности. Если мыслить эстетику как неавтономную, а не второстепенную, то она действительно реализует мечты тех же немецких классиков о новой антропологии.

Стоит отметить, что само это «этическое вопрошание» крайне эмоционально. В тех случаях, когда личные эмоции делают невозможной привычную практику рационализации, практика должна измениться. При извечном страхе о «замутнении» разума эмоциями, именно XX в. создал массу антиутопических произведений, в которых подавление, удаление, исключение эмоций становились корнем совершенно бесчеловечной системы. Это еще один аргумент в пользу пересмотра имеющихся философских построений относительно эмоций.

Заключение

Если принять концептуально идеи Выготского и признать, что развитие человека, любой сферы человеческой деятельности и т. д. идет в сторону осознанности и усложнения в смысле дифференциации, тогда разделение дискурсов, тем, а также отделение эмоциональных переживаний от всяких других может рассматриваться как развитие. Тогда призыв к преодолению границ может выглядеть как отказ от развития. Однако, возможно, в этом кроется большое заблуждение. Дифференцирование, как уточнение системы не предполагает *действительного* проведения границ, это – появление надстройки в виде осмысления и осознания, но не влияние на сами аффективные состояния. От осознания своих эмоций, злости, например, мы не перестаем их испытывать, но мы можем иначе выражать их и по-другому относиться к себе в этот момент. В случае со многими теоретическими подходами возникает ощущение, что они претендуют не на позицию осмысляющей надстройки, а на позицию конституирующего основания, задающего как раз смысловые и даже аффективные границы и параметры. В лучшем случае речь идет о фор-

мальном синтезе или нарочитом, протестном превознесении того, что раньше считалось менее значимым. Но возможно ли другое не-разделение после уже прошедшего в истории разделения? Можно ли создать что-то принципиально новое, не делая вид, что многолетней границы не было и в помине? По мнению автора, это то, что необходимо сделать, или хотя бы попытаться сделать в качестве преодоления интеллектуальной привычки.

REFERENCES

- Akerman, A., Puglisi, B. (2021). *Thesaurus of Emotions. A Guide for Writers and Screenwriters*. Rus. Ed. Moscow: Alpina Non-fiction Publ. (In Russian)
- Baumgarten, A. G. (2021). *Aesthetics* (G. S. Belikov, A. V. Belousov, D. V. Bugai, M. I. Kasyanova, A. O. Korchagin, E. Y. Chepel, Yu. A. Shakhov, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publ. (In Russian)
- Pozdneva, S. P. (2009). Interdisciplinarity as a Total Phenomenon of Knowledge of the 21st Century: Formation of an Interdisciplinary Vocabulary of Science. In *Proceedings of Saratov University, Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2, 114-121. (In Russian)
- Concepts (2006). Concepts of the Long-term Forecast of Scientific and Technological Development of the Russian Federation for the Period up to 2025. *Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. Moscow. (In Russian)
- Yampolsky, M.B. (2022). *Forms of Reality. Essays on Theoretical Anthropology*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian)
- Janet, P.M.F. (1903). *Obsessions and Psychasthenia* (Vol. 1). Paris: Alcan. Retrieved from <https://archive.org/details/lesobsessionsetl001jane/page/522/mode/2up>. (In French)
- Spektor, D. M. (2013). Aesthetics of Emotions. *Pedagogy of Art*, 3, 31-40. (In Russian)
- Vernadsky, V. I. (1991). *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Vygotsky, L. S. (1983). *Collected Works* (1st ed., Vol. 5). Moscow: Pedagogika Publ. (In Russian)
- Spinoza, B. (1999). *Collected Works* (2nd ed., Vol. 1). (M. Lopatkin, Trans.). Saint Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)